

нии всех тех, кто ложно или примитивно решает эту задачу в своих произведениях.

Так появляется пародия на высокопарную трактовку писательского долга: «Если Истинное есть Прекрасное, то прекрасно изучать и Снобов; разыскивать следы Снобов в веках, наподобие того, как маленькие гемпширские собачки отыскивают в земле трюфели; проходить шахты в общественных слоях и обнаруживать там богатые залежи снобизма» [5, т. 3, с. 319].

Самые негодующие обвинения принимают у Теккерея пародийную форму восхваления, как, например, в защите телесных наказаний [5, т. 3, с. 396–398]. Обличения Теккерея то и дело прерываются обличением литераторов, которые продают свое ремесло, воспевая снобов всех сословий в модных романах вместе с неотъемлемым от них сверканием драгоценностей, благоуханием духов и блеском несчетных ламп. Осмеянию подвергается не только британский патриотизм как таковой, но и все принятые формы его провозглашения: «Английский сноб давным давно утратил всякий скептицизм и может вполне добродушно потешаться над чванным янки и над дурачками французишками, считающими себя за образец человечества» [5, т. 3, с. 422].

В мысли Теккерея социальные категории сливаются с литературными. Он пишет, что снобизмом насквозь проникнуты маленький общественный фарс и великая комедия государства [5, т. 3, с. 460]. Само обличение снобизма принимает пародийную форму, облакаясь в нелепое гипертрофированное красноречие, выраженное в повышенной эмоциональной форме, которая, однако, неожиданно снижается самокритическими определениями: сердце его «кипит от дешевой ярости (shear rage)», и он «вооружается мечом и копьем, прощается с семьей и идет в бой с этим гнусным людоедом, свирепым деспотом в Замке Снобов» [5, т. 3, с. 464].

Высшей точкой обличения становится призыв к уничтожению всех снобов при посредстве созданных им, автором, записок – и заключительное восклицание: «Дурак, самоубийца, ведь ты тоже брат им всем и сноб!» [5, т. 3, с. 481]. Разоблачение и саморазоблачение, жизнь и ее карикатурное отражение, нападки на реальность и ее искажение в литературе у Теккерея неразделимы. «Книга Снобов» – неиссякаемый источник сведений о психологии, жизнедеятельности, социальном значении снобов – и о том, как пишут и как не следует писать о них.

Снобизм, как известно, стал центральной темой главного произведения Теккерея, вознесшего его до уровня «неподражаемого» Диккенса и определившего его роль в мировой литературе. Первые главы этого произведения писались тогда, когда завершалась работа над «Книгой Снобов», и образ «Ярмарки тщеславия» впервые

возникает на ее страницах. Именно здесь Теккерея напыщенно сообщает, что «каждый человек являет собой Драму Чудес и Страстей, Тайн и Подлости, Красоты и Верности и т.п. Каждая грудь есть палатка на «Ярмарке тщеславия». Но оставим этот прописной стиль: я бы умер, если бы придерживался его на протяжении целого столбца» [5, т. 3, с. 488].

«Ярмарка тщеславия», как неоднократно отмечалось, и пантомима, и кукольный спектакль, связанный с фольклорной традицией; автор выступает в двойной функции: кукольника в шутовском колпаке и проповедника, – пародируя обе эти роли. Само заглавие устанавливает литературные источники и корни, в XX в. требующие комментариев, но в XIX в. вполне очевидные для самого неквалифицированного английского читателя, на столе у которого, рядом с семейной Библией, непременно лежала книга пуританского писателя XVII в. Джона Беньяна; одним из памятных эпизодов ее было посещение паломником Лондона, выведенного под названием «Ярмарка тщеславия» (тщеты); где все, включая честь, добродетель, доброе имя, покупается и продается. В отличие от Беньяна, обличительный пафос Теккерея обращен не только против презренного всеобщего торжища, но и против многосложной системы его идеализации и возвышения за счет истины.

Перед занавесом появляется Кукольник, выражающий одновременно и грустные впечатления от «Ярмарки тщеславия», – и полное насмешки по собственному адресу удовольствие от того, что куклы его понравились в самом высоком обществе. Спор с привычным изображением наблюдаемого им мира начинается с первых страниц романа. Теккерея осуждает господствующую в литературе привычку предоставлять главное место самым мрачным негодьям и заранее дает отпор критику Джонсу, который, из-за отсутствия таких персонажей, сочтет его книгу глупой и банальной – для того только, чтобы тут же заметить: «совершенно верно!» [5, т. 4, с. 14]. Как пишет Теккерея по другому поводу, только в высокопарных романах герои ведут остроумные и красноречивые разговоры – в действительности они тривиальны и скучны [5, т. 4, с. 42].

Едва ли не главной мишенью Теккерея становится новоявленный сентиментализм современной беллетристики. Он с презрительной насмешкой вспоминает о немецкой формуле «Тоски по любви» (Sehnsucht nach der Liebe) и говорит, что она проходит после брака. Сентименталисты, привыкшие орудовать большими словами, называют это чувство стремлением к идеалу (yearning after the ideal), но в реальной жизни оно сводится к тому, что женщины не могут успокоиться, пока у них нет мужей и детей [5, т. 4, с. 44].